

*Первухин М.* Чехов и Левый // Слово (Рига). 1927. 7 августа.

№ 585. С. 4.



# Чеховъ и Лѣвый.

Въ связи съ спорадически-пессимистическимъ взглядомъ Чехова на нужность или ненужность работы писательской рати, было и его полное сомнѣніе отношеніе къ начинающимъ писателямъ. Навѣщая меня въ редакціи «Крымскаго Курьера» въ Ялтѣ, Чеховъ нѣсколько разъ спрашивалъ, какъ я, завѣдующій редакціей, обязанный, сверхъ того, писать «передовицы», вести обзоръ печати, давать «маленькій фелетонъ», и такъ далѣе, — справляюсь или «расправляюсь» съ присылаемыми на просмотръ рукописями.

— Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ пробѣгаю лишь первую страничку и на основаніи вынесеннаго впечатлѣнія рѣшаю участь присланнаго матеріала! — отвѣчалъ я. — До конца прочитываю только такую вещь, которая представляетъ интересъ съ первыхъ же строкъ!

— Но у начинающихъ это бываетъ чрезвычайно рѣдко! Вѣдь, чтобы умѣть «начать интересно», — нужно проявлять уже развитую технику!

— Разумѣется! Но войдите же и въ наше положеніе! Редакція буквально изъ силъ выбивается, не зная, какъ справиться съ текущею работою, своимъ прямымъ дѣломъ. Газета почти лишена возможности принимать матеріалъ со стороны: и платить печѣмъ, да и мѣста очень мало. Мы не просимъ о присылкѣ матеріала. Къ тому же, «начинающіе» считаютъ совершенно лишнимъ справляться, какой именно матеріалъ вообще говоря, пригоденъ для данного изданія. Грубо выражаясь, человекъ валитъ въ редакцію все, что напишетъ, не заботясь узнать, можно ли этимъ заинтересовать «средняго читателя». Вотъ, для примѣра, пресловутый «учитель Лѣвый»...

— Чуръ меня! Чуръ! Чуръ! — замахалъ руками Чеховъ. — Накликать можете бѣду! Я вчера только отправилъ «учителю Лѣвому», ей Богу, до тридцати фунтовъ его рукописей...

— Ну, вотъ, видите, Антонъ Павловичъ?! А, вѣдь, девять десятыхъ «начинающихъ» не ушли далеко отъ Лѣваго! Графоманія — одна изъ самыхъ распространенныхъ у насъ «мацій». И, сколько я понимаю, — съ повывщеніемъ процента грамотности въ населеніи, эта курьезная мація растетъ въ какой-то фантастической прогрессіи...

— Да, но что же дѣлать?! — возражалъ, уныло разводя руками, Чеховъ. — Вотъ, и меня разное пишущіе въ гробъ загоняютъ, заваливая рукописями. Могъ бы, конечно, отбояриваться отъ нихъ прочитываніемъ, но... Но какъ то совѣсть не позволяетъ! Вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, куда же дѣваться начинающимъ?! Если редакція и издательства будутъ убѣждать свое вниманіе только людьми съ именемъ, уже проложившимъ себѣ дорогу, то тогда для начинающихъ ходу уже совсѣмъ не будетъ!

— А если взять на себя обязательство прочитывать отъ доски и до доски все то, что присылаютъ дилетанты, то... То на настоящую работу уже не будетъ оставаться времени!

— Надо найти какую-то среднюю линію, М. К.!

Вопросъ, очевидно, принимался Чеховымъ близко къ сердцу. Разъ заговоривъ на эту тему, онъ увлекался. Приводилъ характерные эпизоды изъ собственной редакціонной практики. Цитировалъ цѣлыя страницы сумбурныхъ произведеній. Сыпалъ остроумными анекдотами. Зачастую принимался не только шаржировать, но и прямо такъ фантазировать, развивая мелькнувшую тему. И передъ нами появлялся не «А. Чеховъ» прославленный авторъ, серьезнѣйшихъ драматическихъ произведеній, обвѣянныхъ глубокою грустью, а «Антонъ Чехонте», молодой и беззаботный сотрудникъ московскихъ юмористическихъ журналовъ...

Раньше, чѣмъ продолжать, — нѣсколько словъ о вышеупомянутомъ «учителѣ Лѣвомъ». Это былъ человекъ, одно время довольно часто бывавшій у Чехова, и по собственному признанію Антона Павловича — отравившій всей семьѣ Чеховыхъ существованіе, на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

По внѣшности — Лѣвый казался сорванчимъ съ какой-то картины Богданова-Вѣлскаго той эпохи, когда этотъ художникъ безъ устали изображалъ сельскихъ учителей и деревенскихъ школьничковъ. Тощій, костлявый, свѣтлоглазый, свѣтловолосый, вѣчно горбящійся, бѣдноодѣтый, неряшливый, какъ старый холостякъ, Лѣвый былъ земскимъ учителемъ въ близкой къ Ялтѣ греко-татарской деревушкѣ Ай-Василь. Обучалъ маленькихъ татарчатъ и гречонковъ русскому языку. Шустрымъ ребятамъ русская грамота въ голову не лѣзла. Дѣло обученія было явно безнадежнымъ. Лѣвый добросовѣстно отсчитывалъ въ полупустой школѣ положенное число часовъ, а все остальное время — сочинительствовалъ. Самоучка, онъ почему-то вообразилъ себя философомъ, призваннымъ разрѣшать міровые вопросы. Поэтому онъ, и весьма резонно, — принципиально пересталъ читать что либо: находилъ, что чужія идеи могутъ только мѣшать его собственнымъ идеямъ, могутъ сбивать его съ толку. «Я стараюсь до всего додуматься своимъ умомъ!» — заявлялъ онъ.

И свои сумбурныя мысли онъ излагалъ въ невѣроятной витіоватой формѣ безконечно длинныхъ аллегорическихъ новеллъ или писемъ, отдававшихъ напомнимающихъ евангелия притчъ. Жаждающе Лѣвый получалъ пищенское, но на житейскія потребности тратилъ очень мало.

Питался хлѣбомъ и зеленью! Ходилъ въ отрешкахъ. Зато покупалъ бумагу стопами и ис-

писывалъ немовѣрное количество листовъ. Свои рукописи онъ считалъ не на страницы, а по вѣсу. Говорилъ:

— Вчера отправилъ въ редакцію «Вѣстника Европы» семь съ половиною фунтовъ аллегорическихъ сказаній изъ санскритскаго быта!

А къ первому числу пошлю въ «Русскую Мысль» фунтовъ десять, а то и двѣнадцать. Пишу романъ изъ жизни юкагировъ! Интересно, вѣдь, разработать психологію юкагировъ!

— Да матеріалъ то у васъ откуда?! Вы, вѣдь, юкагировъ и въ глаза не видѣли!

— Матеріалъ? Матеріалъ самъ вырабатываю! Путемъ логическаго мышленія! Изучать что либо — нѣтъ надобности! Ибо я провожу поучительную тенденцію!

Вотъ, этотъ безобидный маниакъ и осаждалъ Чехова: тащилъ къ нему «на просмотръ» каждую свою рукопись и потомъ требовалъ отъ Чехова «подробно мотивированнаго мнѣнія». Обижался, когда Чеховъ говорилъ, что такую вещь ницѣ не примутъ!

— Не примутъ? Не имѣютъ права! Обязаны принять! Ибо, вѣдь, я излагаю великія мысли! Устами моими глаголетъ истина! Кромѣ того, я, вѣдь, гонимъ не спрашиваю! Лишь бы напечаталъ!

— Все равно, не примутъ! Такою вещью нельзя заинтересовать читателя!

— Значитъ, читатель — идиотъ! Такъ его надо принудить прочесть мои писанія!

Тяжеловѣсныя рукописи Лѣваго годами странствовали изъ одной редакціи въ другую, отъ одного издателя къ другому. Вездѣ одно имя Лѣваго приводило въ содроганіе. Но Лѣвый не унимался и писалъ, писалъ. А написавши, тащилъ новое свое произведеніе къ Чехову:

— Ужъ вы, Антонъ Павловичъ, сдѣлайте такое одолженіе — прочитайте и скажите свое мнѣніе! Поспоримъ...

— Счастье еще, — говорилъ Чеховъ, — что на всемъ южномъ берегу Крыма имѣется только одинъ Лѣвый. Прочіе, — имя же имъ легионъ — сидятъ въ разныхъ мѣстахъ Россійской Имперіи, и лично натаскивать ко мнѣ вороха рукописей — лишены возможности. Обременяютъ почту. А я, грѣшный человекъ, долго терплю накопленіе сихъ рукописей. Выхожу изъ терпѣнія только тогда, когда въ моемъ рабочемъ кабинетѣ повернуться трудно: завалы образуются.... И тогда принимаюсь за генеральную чистку.

«Чистка» эта дорого обходилась Чехову: раньше, чѣмъ вернуть рукопись неудачнику автору, онъ, во всякомъ случаѣ, ознакомился съ ея содержаніемъ. Признавъ даже рукопись совершенно непригодною для печати, — не ограничивался возвращеніемъ ея автору, а еще писалъ, и иной разъ довольно подробно, дѣлая разборъ произведенія. Указывалъ главные недостатки даннаго произведенія. Давалъ представленія. И эта работа отнимала у него массу времени, портитъ ему настроеніе, лишала его аппетита. А силы больного писателя убывали и убывали...

Нѣсколько разъ, бесѣдуя на эту тему, я давалъ Чехову совѣтъ — покончить съ такимъ порядкомъ. Надо напечатать въ газетахъ, что онъ, Чеховъ, совершенно лишены возможности оказывать авторамъ содѣйствіе въ дѣлѣ помѣщенія ихъ произведеній въ газетахъ или журналахъ. Чеховъ страдальчески морщился, стоналъ и отвѣчалъ уныло:

— Не поможетъ! И даже, пожалуй, повредитъ! Начинающіе писатели изъ земскихъ фельдшерствъ и писательницъ изъ повивалокъ — у нихъ мозги устроены какъ то особенно. Прочтеть человекъ или человѣчина, что я не могу читать рукописей, и обрадуется!

— Теперь, конечно, никто больше не посылаетъ Чехову своихъ вещей на просмотръ не будетъ. Дай-на я пошлю! Пускай займется прочтеніемъ на свободѣ!

А прищавый гимназистъ шестого класса Толочка Синегубовъ — влюбленный въ гимназистку пятого класса Тонечку Дерюгинну — непременно разразится цѣлою мистическою поэмой, и пришлетъ ее при письмѣ въ шестнадцать страницъ...

А потомъ, сдѣлавшись серьезнымъ, грустно говорить:

— Предложите первому встрѣчному взяться сплести сапоги или покрасить ярью — мѣдяною крышу, — онъ навѣрное откажется, сославшись на неумѣнье. Но покажите кому нибудь остановившіеся часы, — и вашъ первый встрѣчный, приметъ храбро тыкать внутри головною шпилькою, а то и гвоздемъ. И съ писательствомъ то же самое: предложите написать дѣловое письмо — человекъ признастъ свою некомпетентность. А предложите написать психологическую новеллу или романъ изъ великосвѣтскаго быта — съ нашимъ удовольствіемъ!

И въ голову человеку не приходитъ, что писательство является прежде всего умѣніемъ владѣть матеріаломъ, а это умѣнье, какъ общее правило, создается только долговременнымъ упражненіемъ. Писать, какъ Богъ на душу положитъ, — нельзя. И тутъ огромную роль играетъ техника. А изъ начинающихъ писать — девяносто девять изъ ста — о техникѣ писанія и представленія не имѣютъ. Даже если есть матеріалъ, — они не умѣютъ имъ распоряжаться. Валитъ все въ одну кучу. Зачастую, губятъ даже хорошій матеріалъ. А въ результатъ — вотъ что: естественныя неудачи быстро разочаровываютъ. Человекъ или озлобляется, придя къ убѣжденію, что его «затираютъ», и начинаетъ ненавидѣть всѣхъ, кто уже проникъ въ печать. Или же падаетъ духомъ, остываетъ, и предается какой-нибудь другой дѣятельности.

И, думая объ участи такихъ горе-писателей, я иной разъ мечтаю: будь я богачомъ на американскій задъ, — я пожертвовалъ бы милліонъ, что ли, — на организацію «Писательскаго Университета». Ну, если не Университетъ, то хоть «Писательскіе Курсы», что ли...